

2003. – 400 с.

13. Самарцева О.К., Фомина Т.А. Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 57-62.

14. Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н. Женщины как персонал современного предприятия: ценностный аспект // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 3. – С. 45-57.

15. Уткина Н.Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 1. – С. 17-28.

16. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 193-219.

17. Хоткина З. А. Страна умниц: гендерные аспекты карьеры [Электронный ресурс] Полит.ру. – 2014. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2014/08/23/career/> (дата обращения: 30.04.2019 г.)

18. Чепуренко А.Ю., Обыденова Т.Б. Отношения в малом предпринимательстве: проблемы работающих женщин // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С. 41-50.

Гендерная асимметрия политики: трансформации мировой конфигурации

Овчарова О.Г.,

профессор, доктор политических наук, доцент, РГСАИ, г. Москва, Россия.

Аннотация: анализируется феномен гендерной асимметрии политики в современных демократиях. Показываются мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к государствам, ранее аутсайдерам в показателях гендерного равенства политики.

Ключевые слова: демократия, гендерная асимметрия политики, политическое представительство женщин, гендерные нормы.

Обретение женщинами гражданских прав, а, следовательно, получение возможности политического участия – одна из ключевых демократических характеристик. С.Г. Айвазова отмечает: «Как показала новейшая история, уровень обеспечения гендерного равноправия в избирательном процессе – причем в каждой из его составляющих: как активного права избирать, так и пассивного права быть избранным – является одним из самых точных индикаторов демократизации общества» [1, с. 4-5]. Подтверждением этих слов служит тот факт, что некоторые рейтинги демократии включают в свои переменные такой показатель, как «доля женщин в нижней палате парламента страны». Р. Даль, среди базовых параметров демократического правления, выделяет «включенность»: «И в прошлом, и сегодня режимы также различаются по тому, какая часть населения допущена к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства: так сказать, по степени участия в системе публичного оспаривания. Шкала, отражающая границы права на

участие в публичном оспаривании, позволила бы нам сравнить различные режимы по такому признаку как включенность (inclusiveness)» [4, с. 9-10]. При этом ученый заключает, что включенность будет тем больше, чем больше граждан будут обладать возможностью оспаривания. Прежде всего, к ним относятся женщины. Авторы проекта «Политический атлас современности» пишут: «Представительство женщин в нижней палате парламента тесно связано с участием женщин в политической жизни в целом...участие женщин в легислатурах необходимо для их адекватного функционирования. Такое участие отражает общественную структуру, что важно для оптимального демократического политического управления. Без вовлечения женщин в политическую деятельность вряд ли достижимы цели равенства, развития, демократии и мира» [5, с. 157].

Тем не менее, в настоящий момент развития современного демократического мира, гендерная асимметрия политики– характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин в политической сфере сохраняется. Наиболее отчетливо она выражается в количественном измерении – женщин-политиков меньше, чем мужчин. «Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины» [3, с. 125].

Причинами неравномерного количества женщин и мужчин в политике являются разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику, и неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях. Иными словами, состояние гендерного диспаритета иллюстрирует слабость воздействия формальных институтов (прежде всего, правовых норм по обеспечению гендерного равенства) на структурирование гендерного баланса в политике под влиянием неформальных правил традиционной гендерной системы, замещающих в практическом исполнении значение формальных норм равноправия [7, с. 70-71]. А если кратко описать традиционные гендерные нормы в сфере политики, то приходится констатировать, что и в настоящее время это – сфера мужского господства, в которой амбиции женщин должны реализовываться лишь в последнюю очередь. «Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывают влияние на иерархию политических акторов, маркировка которых в качестве женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих характеристик и соответствующего места в политической иерархии» [2, с. 511].

Таким образом, нельзя не согласиться с Дж. Ловендуски, считающей демократическую систему одновременно и источником, и препятствием гендерного равенства: «идеалы демократии... побуждают угнетенных требовать для себя прав и добиваться их. Однако созданные для этого механизмы

действуют таким образом, что выдвижение требований женщин происходит извне институциональных каналов влияния и по правилам, разработанным в соответствии с мужским стилем жизни» [6, с. 137]. Взаимосвязь патриархатной культуры политической власти и институциональных препятствий женскому участию в политике в современных демократиях может обосновываться и мощью властных ресурсов, с которыми вряд ли расстанутся добровольно. Рассуждая о причинах медлительности гендерных изменений в политике, Э. Гидденс предполагает, что факторы, препятствующие женщинам в освоении публичного пространства, объясняются следующим: «ведь именно на политической арене можно достичь максимальной власти, возможно, ... поэтому мужчины и не желают расставаться со своим доминирующим положением в этой сфере» [3, с. 312].

Итак, гендерная асимметрия политики остается одним из показателей современного мирового порядка. В то же время можно говорить и о некоторых изменениях в этой социальной схеме. На протяжении последних десятилетий некоторые государства демонстрируют не только увеличение количества женщин в органах власти, но и очевидные ментальные сдвиги в отношении распределения гендерных ролей. При этом характерно, что культура данных стран традиционно не представлялась как гендерно ориентированная, движение за права женщин практически отсутствовало, сами женщины не считают свое политическое продвижение «социальным прорывом», а политические режимы характеризуются как гибридные, сочетающие в себе элементы как демократии, так и авторитаризма.

И, напротив, в государствах «старых» демократий (по Р. Далю), где в течение многих десятилетий вопросы гендерного равенства поднимаются на самых высоких уровнях, большей (чем достигнуто ранее) нейтрализации гендерной асимметрии не наблюдается.

Приведем цифры. Рейтинг Межпарламентского союза (международной организации, служащей для координации действий парламентов мира) свидетельствует о том, что первые десять мест в мировой классификации представленности женщин в нижних палатах парламента государства на 1 января 2019 г. занимают 9 африканских и латиноамериканских стран и 1 страна Северной Европы. Перечислим их: Руанда (61,3%), Куба (53,2%), Боливия (53,1%), Мексика (48,2%), Швеция (47,3%), Гренада (46,7%), Намибия (46,2%), Коста-Рика (45,6%), Никарагуа (44,6%), ЮАР (42,7%) [9]. Для сравнения приведем данные 13-летней давности, также представленные Межпарламентским союзом. Конфигурация стран-лидеров на 1 февраля 2006 г. была следующей: Руанда (48,8%), Швеция (45,3%), Норвегия (37,9%), Финляндия (37,5%), Дания (36,9%), Нидерланды (36,7%), Куба (36%), Испания (36%), Коста Рика (35,1%), Аргентина (35%), Мозамбик (34,8%) [9].

Могут ли обозначенные цифры нивелировать социально-политические успехи скандинавских стран или же, к примеру, западноевропейских стран, также имеющих опыт строительства гендерно ориентированных государств? И, напротив, можно ли говорить о том, что увеличение женщин в

североафриканских и латиноамериканских парламентах выступит залогом влияния женщин на политические процессы?

Количественное увеличение женщин в парламенте перечисленных выше стран происходило посредством мер позитивной дискриминации. В 1990-е гг. в ряде стран Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а, именно – введена система квот женского представительства на выборных должностях. Также в 1990-х гг., а именно в 1997 г. южноафриканские государства, входящие в Сообщество развития Юга Африки (САДК), приняли декларацию, в которой была поставлена цель установить в странах-членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30%. В 2011 г. САДК в отношении лидерства и принятия решений во всех сферах руководства и управления установил 50% целевой показатель женского представительства. Эксперты считают, что в обозримом будущем систему квот в регионе вряд ли можно рассматривать как временную [8, с. 20-21]. И в Латинской Америке, и в африканском регионе эти действия происходили согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин. Последнее, в свою очередь, способствовало развитию в этих странах демократических институтов, ранее отсутствующих, а теперь формально приближающих страны второго и третьего регионов модернизации к странам «старой» демократии. Это отчетливо видно на примере Руанды – «земли тысячи холмов», которая восстанавливается после последствий геноцида и пытается завоевать позитивную оценку со стороны мирового сообщества [7].

Очевидно, что за столь короткий период у женщин нет возможности накопить достаточный потенциал для эффективного управления. Политические институты, в которые при помощи формальных норм встраиваются женщины, в данных странах пока только накапливают опыт своей работы, и новое политическое творчество будет определяться не гендерной составляющей, а необходимой государству стратегией развития (разрабатываемой, однако, политическими-лидерами мужчинами). Кроме того, отмена квот (а как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь де-юре приобретенный гендерный баланс. Также следует обратить внимание на важный факт: несмотря на процесс феминизации политики, в странах-лидерах количественных показателей гендерного равенства во власти продолжает развиваться процесс феминизации бедности, что свидетельствует об отсутствии корреляций между формальной нейтрализацией гендерной асимметрии политики и ликвидации гендерного дисбаланса в иных социальных сферах. Наличие в латиноамериканском и африканском регионах системы неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи) опять-таки является аргументом в пользу того, что попадание женщин на должности обусловлено не демократическим процессом выборов, а традициями, облегчающими женщинам реализацию на политическом поприще. Следовательно, официальные, констатирующие цифры в состоянии выступить, по сути, критерием выравнивания гендерной асимметрии политики и социально-

политической стабильности того или иного государства или региона, если не учитываются причины и факторы, эти цифры обуславливающие.

Таким образом, демократические преимущества получают все же страны с богатейшим политическим опытом и выкристаллизованными идеями, сформированными ценностями социального равенства – в том числе и апробированными идеями гендерного равенства политики, хотя для его полного достижения потребуется еще не одно столетие.

Список литературы:

1. Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. – М.: Консорциум женских неправительственных объединений; Институт социологии РАН, 2008. – 177 с.
2. Гендерные аспекты политических исследований // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 776 с.
3. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. – М.: Эдиториал-УРСС, 1999. – 704 с.
4. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та. – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.
5. Индекс институциональных основ демократии// Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
6. Ловендуски Дж. Равенство полов и правила игры // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Ф. Гардинер; Пер. с англ. под ред. Е. Мезенцевой. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 312 с.
7. Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – № 2. – С. 70-81.
8. Прокопенко Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). – М.: Институт Африки РАН, 2018. – 206 с.
9. World classification [Электронный ресурс] // Women in National Parliaments. – Режим доступа: <http://archive.ipu.org/wmn-e/arc/classif010216.htm>(дата обращения 07.05.2019 г.)